

ГОРЬКИЙ — Ф. Г. ЛАСКОВАЯ

Фанни Григорьевна *Ласковая* (р. 1890) выступила в литературе в начале десятых годов. Ее рассказы и повести печатались в журнале «Современный мир», сб. «Жатва» (М., 1911) и других изданиях.

Горький привлек Ласковую к участию в журнале «Летопись» и помог выпустить сборник рассказов «Муть». Сборник вышел с посвящением: «Максиму Горькому с глубоким уважением». Кроме повести «Муть», в него вошли рассказы «Опавшие листья», «Лицом к лицу» и «Осеннее» (П.—М., «Книга», 1916).

Переписка Горького с Ласковой охватывает период с 1911 по 1928 г. Одно письмо Горького к Ласковой от 21 декабря 1912 г. было опубликовано Архивом А. М. Горького в «Лит. газете», 1955, № 72, от 18 июня.

Ниже публикуется девять писем Горького к Ласковой.

1

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

⟨Капри. 25 ноября/8 декабря 1912 г.⟩

Очень рад, Фанни Григорьевна, что «Заветы» принимают вашу повесть¹, и очень советовал бы вам, когда получите с журнала гонорар, — поезжайте куда-нибудь, людей посмотреть и себя показать.

Судя по настроению вашему, как оно отражается в письмах, вам следует отдохнуть, полечиться, перевести себя в другой круг впечатлений.

Вы говорите, что вас «мучили», делали вам «гадости», в этом нет ничего исключительного, ничего необыкновенного, но это может быть прекрасным материалом для рассказа, для повести. Посмотрите на жизнь как на материал, который судьба дает вам для работы над ним, для того чтоб облагородить его, осмыслить.

Люди вовсе не мелки и не так нищи, как об этом говорят литераторы и поэты: поэту хочется видеть жизнь красивой, его требования высоки, вот отчего люди кажутся ему маленькими. Эти требования не историчны, удовлетворить их невозможно ни сегодня, ни завтра, но — требования эти вполне законны, это ими движется жизнь к лучшему, и они со временем целиком будут осуществлены. А когда это случится, — поэты все-таки будут говорить, что люди мелки, ибо вырастут новые, еще более высокие требования к людям.

Будьте осторожны в своих выводах, не торопитесь судить так же поспешно и несправедливо, как сами вы были осуждены.

Ведь вы сами же говорите, что жили только в Москве, видели мало, — могут ли ваши суждения быть верны, если ваши наблюдения так однообразны и не обширны?

В России живут 163 миллиона людей, на земле — миллиарды. Украина — почти так же мало похожа на москвича, как вы — на итальянку.

Посылайте рукописи ваши, — рад быть полезен вам всем, чем могу. Затеваюсь новый журнал², я буду стоять довольно близко к редакции его и очень хотел бы, чтоб вы дали для него небольшой рассказ.

Вас тяготит пошлость? Вот вам тема: напишите ваш будний день, расскажите просто — никого не судя, ничего не оправдывая — как пошлость с утра до поздней ночи серой тенью влачится за человеком и путает его шаги, отравляет его душу. Чем ближе к правде встанете вы, тем лучше будет рассказ.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Повесть Ласковой «Муть» в журнале «Заветы» не публиковалась; позднее была напечатана в сб. «Муть».

² Проект не был осуществлен.

2

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

(Сааров. 10 января 1923 г.)

Милая Фанни Григорьевна,

не велика беда в том, что украли у вас мои письма, я вам еще напишу их штук 600, а вот что рукописи ваши украли, это обидно! Это уж вам самой придется написать вновь, за что, я надеюсь, вы и приметесь немедленно. Так?

Уверен, что за это время вы накопили много хорошего и написали кое-что интересное — садитесь за стол, восстанавливайте то, что украдено, и — посылайте мне. Возьмите себя в руки покрепче, не давайте воли нервам, — распускаться не время.

Мы — В. Ходасевич¹, Виктор Шкловский и я — затеваем здесь большой научно-литературный — без политики — журнал «Эпоха»²; сей журнал имеет отделение и в России, так что вы посылайте рукописи туда, на имя Белицкого³, а он уже перешлет мне. Главное — не раскисайте, к чему у вас, кажется, есть склонность.

А как живет ваш сын? И — почему бы я не узнал вас «на улице»? У меня к вам — «влечение, род недуга», я уверенно жду от вас десяток хороших рассказов, и, кроме того, у меня крепкая память.

Итак — пишите! Самое серьезное и лучшее в сей жизни — литература, все же остальное только материал для нее. Из неприятностей можно склепать приятный рассказ, из крупных несчастий — хороший роман. Вы должны чувствовать это.

Тороплюсь ехать в Берлин.

Всего доброго. Жду рукописей.

А. Пешков

Адрес:

Fürstenwalde.

Saarow—Sanatorium

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт и литературный критик. В 1922 г. выехал за границу. В 1923—1925 гг. Ходасевич сотрудничал в литературном отделе журнала «Беседа». В 1925 г. он уехал в Париж, где примкнул к белоэмигрантским кругам (печатался в «Возрождении», «Современных записках» и других изданиях). После враждебных выступлений Ходасевича в адрес Советского Союза Горький порвал с ним. Тридцать два письма Горького Ходасевичу опубликованы в «Новом журнале» (США, Нью-Йорк), 1952, №№ XXIX, XXX и XXXI.

См. также Горький — Феррари, письмо 3, прим. 1.

² Журнал издавался под названием «Беседа». Выходил в Берлине с 1923 по 1925 г. Организатором и редактором журнала был Горький.

Одной из основных задач журнала Горький считал объединение прогрессивной интеллигенции разных стран и восстановление культурных связей, разорванных первой империалистической войной.

Журнал выпускался при ближайшем участии проф. Б. Ф. Адлера, Андрея Белого, проф. Ф. А. Брауна и В. Ф. Ходасевича. В семи вышедших номерах журнала печатались рассказы и заметки Горького, произведения молодых советских писателей из группы «Серапионовы братья», а также переводы произведений Р. Роллана, Ф. Эллеса, Д. Голсуорси, С. Цвейга и др. Издатель — С. Каплун.

³ Ефим Яковлевич *Белицкий* — сотрудник журнала «Беседа».

3

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

〈Фрейбург. 5 сентября 1923 г.〉

Милая Фанни Григорьевна,

что же это с вами? «Жизнь изломала»? Не верю. Не могу представить вас изломанной жизнью, не похоже это на вас.

Что вы делаете? Пишете ли? Как живете? Почему бы вам не написать мне подробно обо всем этом? И — нет ли у вас готового рассказа, я мог бы напечатать его здесь? Если имеете рукопись — давайте. Я, действительно, все хвораю, но это не мешает мне много работать. Редактирую здесь журнал¹.

Как ваш сын?

Напишите мне! И — сердечное вам спасибо за милое письмо ваше, за добрую память.

Крепко жму руку.

А. Пешков

5.IX.23.

Freiburg.

Gunterstal, мне.

¹ «Беседа». См. письмо 2, прим. 2.

4

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

〈Неаполь.〉 16.XII.25

Получил ваше грустное письмо, Ф(анни) Г(ригорьевна).

Что с вами? За истекающий год из России пишут мне письма всё более бодрые, хотя, по русской привычке, не без самоосмеяния, не без иронии над собою и над жизнью. В общем, тон такой, как будто люди, вполне способные быть губернаторами, исполняют работу околоточных надзирателей. Но — это у нас всегда было и не скоро пройдет, я думаю.

Вы всегда чувствовались мною как человек, особенно остро недовольный жизнью и в постоянной ссоре с нею. Но я плохо понимал — почему? Казалось мне, что у вас есть почти все данные для того, чтоб не очень мучить саму себя.

Коротенькое ваше письмо ничего не объясняет, молчит о причинах вашего настроения. Может быть, вы напишете более подробно, а я сумею как-то рассеять, несколько облегчить вашу тоску? Я бы хотел этого.

Каков я стал? Через два года мне будет 60 лет. У меня много вставлено золотых зубов, и со временем кладбищенский сторож, вырыв мой череп, выдернет эти зубы простыми клещами для гвоздей. Хорошо бы укусить ему палец, я очень мечтаю об этом. Седею. Лысины еще нет. Сморщилось лицо. Здоровье поскрипывает. Но веру в людей я не потерял, а сердечная жалость к ним все растет. Очень мучительна эта жалость, друг

мой. Тем более, что ведь никому ничем не поможешь. Пишу и—много. Скоро выйдет моя повесть «Дело Артамоновых»¹. Кажется — весьма скучная.

Живу одиноко. Вот и всё о себе, если не говорить о том, что эмигрантская пресса время от времени бесстыднейше клеветает на меня. Но — к этому я уже давно привык.

Печально знать, что вы не пишете. Мне все кажется, что вы должны бы написать какую-то очень интересную и очень женскую вещь. Пора.

Ну — до свидания. Крепко жму руку.

А. Пешков

Napoli. Posilippo.

Villa Galotti.

¹ Работа над «Делом Артамоновых» была завершена Горьким в марте-апреле 1925 г. Книга вышла из печати между 28 декабря 1925 и 16 января 1926 г. в изд-ве «Книга» (Берлин).

5

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

⟨Неаполь. 13 января 1926 г.⟩

Совершенно неверно, Фанни Григорьевна, что у вас нет таланта, неверно. Вы человек по натуре органически талантливый, это я знаю. Но мне кажется, что талант ваш вы тратили и тратите только на себя, на поиски в себе самой какой-то недостижимой человеку — а художнику особенно недостижимой — гармонии, ясности и прочих качеств, коими, говорят, обладал Вольфганг Гете, чему я не верю. Есенин или Перси Шелли, Бодлер или Пушкин, Гаршин, А. Белый — все это люди бунтарского начала, направленного вовне — в мир, а не в себя... ⟨...⟩ В последнем слове я бы повторил: вы слишком много возитесь с самою собой, а это изнуряющее дело.

Вот что: уж если это несчастье стало вашей привычкой, — попробуйте обратить его в искусство. Пишите автобиографию, дневник, записки женщины и тому подобное. Рассматривайте себя издали, со стороны и пишите, как о чужой вам — правдиво и безжалостно, но без «покаяния». Это отнюдь не должна быть «исповедь», а — история одного человека, история о том, как и на что он себя истратил. Пишите без пощады ко всему, что вас мучило — бог это или люди — все едино.

Пишите с гневом за человека, с ненавистью ко всему, что мешало жить ему, — пускай это будет даже материнство. Не выдумывайте себя. Не падите.

Я уверен, что такая книга должна удалась вам. Пишите экономно в словах и щедро в образах.

Извините, что не могу продолжить письмо, явились люди из России, и тороплюсь отправить это письмо на почту сегодня же.

Будьте здоровы, Ф⟨анни⟩ Г⟨ригорьевна⟩.

Жму руку.

Napoli, Posilippo. Villa Galotti.

13.1.26.

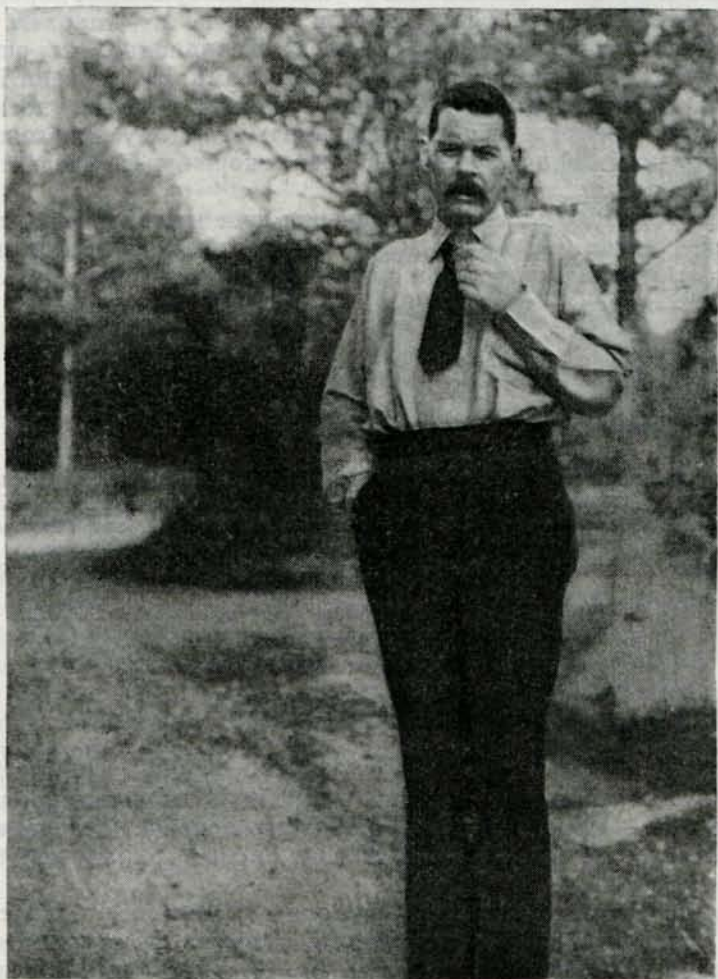
6

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

〈Сорренто. 30 октября 1926 г.〉

Мне хочется изругать вас, Ф(анни) Г(ригорьевна)!

Почему вы не пишете, почему не ведете дневник? У вас есть свои слова, свои мысли, у вас есть очень хорошая тема: одиночество женщины-

ГОРЬКИЙ

Фотография, Сааров (близ Берлина), 1922—1923 гг.

Музей Горького, Москва

матери. Тема, согласитесь, значительная и не использованная во всей ее широте и глубине.

Вы — распускаетесь, охаете для себя, почему бы не охнуть для людей? Это — не нужно? Нет, — нужно. Человеческое всегда нужно, а особенно в те дни и годы, когда оно идет на убыль как будто.

Соболь ¹, с его «большими требованиями к людям», был несимпатичен мне как человек и как литератор — несимпатичен. Он много страдал,

и это его расшатало? Все мы страдаем много, но нельзя же кормить людей и свое самолюбие только своими личными страданиями. Это — скучно и эгоистично. Его «большие требования» непонятны мне. Чего он, собственно, требовал? Чтоб люди стали более прекрасными и значительными, чем он сам? Это недостижимо.

Живя здесь, он меня расспрашивал, как надо стреляться и что чувствует стрелок, прежде чем пустить в себя пулю? Но я уже давно забыл все это, да и неприятно вспоминать глупости, совершенные сорок лет тому назад². Он вообще был очень тяжелый человек. И — плохой писатель.

Италия не похожа ни на Крым, ни на Черноморье. Вы ошибаетесь. Хотя, впрочем, красоту в природу вносим мы сами. Но все-таки Италия — прекрасное место на земле, и земля здесь ласкова к людям, хотя Везувий иногда буянит и всегда угрожает набуянить. К этому привыкли.

Карточку мою я пришлю вам с оказией, скоро будет таковая. На почте карточки пропадают.

Здесь тоже началась осень. Это значит: дует и воет жарчайший ветер, именуемый «широкко». Он — из Африки, — чёрт бы его проглотил, — и он расстраивает нервы. Дует третьи сутки и, возможно, будет дуть еще трое суток. Жить с ним — трудно.

Пишите!

Жму руку.

А. Пешков

30.X.26.

¹ Андрей Михайлович *Соболь* покончил с собой 7 июня 1926 г. О самоубийстве Соболя Горький писал А. П. Чапыгину 17 июня 1926 г. (т. 29, с. 470). Соболь был у Горького в Сорренто весной 1925 г., о чем написал воспоминания. «Несколько минут у Горького» («Огонек», 1925, № 26).

² Речь идет о попытке Горького покончить с собою 12 (24) декабря 1887 г.

7

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

<Сорренто. 28 февраля 1928 г.>

Карточку вам? Вот вам карточка. Домашней фабрикации, очень хорошая. Я на ней — похож, комната еще более похожа. Теперь я — волосатый. Очень устал. Собираюсь в Москву, в мае¹ увижу вас, будем ругаться.

Почему невозможно отправить рукопись в Sorrento? Я их десятки получаю. Если же боитесь — потеряется, отнесите Екат(ерине) Павл(овне) Пешковой. Машков переулоч, д. 1, кв. 16. Ек. П. на днях едет сюда и привезет мне рукопись.

Будьте здоровы, до свидания.

А. Пешков

28/II 28.

¹ Горький приехал в СССР 27 мая 1928 г.

8

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

<Сорренто. 29 марта 1928 г.>

«Со стороны»¹ — не плохо, Фанни Григорьевна; написано — густо, хотя несколько небрежно, а конец показался мне недостаточно «звучным» и

САВЕЛИЙ КОЖЕМЯКИН

Рисунок (уголь) Д. А. Шмарина

к повести

Горького «Жизнь Матвея
Кожемякина», 1933 г.

Третьяковская галерея, Москва

уже не в «тон» рассказа, ниже его: напрасно вы не сдержали чувство усталости в конце. Разумеется — усталость законна, но — кому же это «интересно», кроме того, кто устал?

«Со стороны» — я послал в «Красную новь», а маленький рассказ² пошлите в «Прожектор», напечатав его на ремингтоне. Заголовок нужно переменить. Редакцию я извещу о том, что она получит такой рассказ. Сегодня не могу писать больше, ибо — день моего рождения, собрались итальянцы, и надобно их «занимать разговором», поить, кормить. Да. Все это очень трудно и все не нужно. Но — «цивилизация»! А потому приходится исполнять обязанности хозяина. Иду.

Всего доброго!

А. Пешков

29.III.28.

Sorrento

¹ Повесть Ласковой, не была напечатана.

² Рассказ «О любви», напечатан не был. Рукопись с правкой Горького хранится в АГ.

ГОРЬКИЙ — ЛАСКОВОЙ

⟨Сорренто. 4 ноября 1928 г.⟩

Случилось так, Ф⟨анни⟩ Г⟨ригорьевна⟩, что тем же, что и вас, я обидел всех моих старых друзей. У меня не нашлось свободного времени для моих личных дел и симпатий. Во всех городах, где я был¹, я не мог посетить никого из друзей. Все они, разумеется, обиделись на меня, так же, как вы. Что делать!

Но все-таки рукопись ваша послана вам вместе с письмом моим². Это было сделано в конце сентября, если не ошибаюсь. Посылал секретарь. В Москве я прожил не «четыре месяца», а всего 56 дней.

Не сердитесь. В мае увидимся³

Всего доброго.

А. Пешков

4.X.28.

Датируется по почтовому штемпелю. У Горького — описка.

¹ В июле 1928 г. Горький отправился в длительную поездку по Союзу: побывал в Курске, Харькове, в Куражской колонии им. М. Горького, руководимой А. С. Макаренко, на Днепрострое, в Ялте, Симферополе, Донецком бассейне, Баку, Тбилиси, Ереване, Сталинграде, Казани, Н.-Новгороде и Ленинграде.

² Упомянутое письмо Горького не сохранилось. О какой рукописи идет речь выяснить не удалось.

³ Горький приехал в СССР 31 мая 1929 г.